

Российская Академия Наук
Институт русского языка им. В.В.Виноградова

На правах рукописи

Фёдоров Максим Львович

Роль личных местоимений в композиции произведений

Ин.Анненского

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва

2008

Работа выполнена в Отделе корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН.

Научный руководитель: доктор филологических наук
Красильникова Елена Васильевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Григорьева Татьяна Михайловна
кандидат филологических наук
Белова Антонина Васильевна

Ведущая организация: Московский педагогический
государственный университет
кафедра русского языка

Защита состоится «21» февраля 2008 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д.002.008.01 при Институте русского языка им. В.В.Виноградова РАН (119019, Москва, Волхонка, д.18/2).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института русского языка им.

В.В.Виноградова РАН (119019, Москва, Волхонка, д.18/2).

Автореферат разослан «17» января 2008 года.

Ученый секретарь диссертационного совета

кандидат филологических наук

Б.Л. Иомдин

Общая характеристика работы.

Работа посвящена анализу одного из аспектов грамматики идиостиля Ин.Анненского: семантике и функционированию личных местоимений в связи с их ролью в композиции стихотворений поэта.

Исследование поэтического языка в XX веке связано с именами Г.О.Винокура, Ю.Н.Тынянова, Р.О.Якобсона, Б.В.Томашевского, В.В.Виноградова, Ю.М.Лотмана, М.В.Панова, Д.Н.Шмелева, В.Д.Левина, Ю.И.Левина И.И.Ковтуновой, В.П.Григорьева, С.Т.Золяна и др.

Проблема идиостиля в изучении поэтического текста является ключевой.

Г.О.Винокур писал, что «постановка вопроса об индивидуальном стиле и составляет границу между лингвистикой и прочими науками, заинтересованными в данных языка».¹

Среди основных задач науки о языке художественной литературы В.В.Виноградов называл не только анализ словесно-художественной структуры произведения, но и его стиля и стиля писателя в историческом развитии, в изменениях и колебаниях, в многообразии его жанровых проявлений. К основным объектам стилистики он относил: «1) индивидуально-поэтический стиль и 2) стиль литературной школы»².

В.П.Григорьев отмечал, что необходимо «через ключевое понятие идиостиля показать многообразие проявлений общих тенденций в развитии поэтической речи <...> связать такое описание с целевой установкой поэта в его поисках средств образного выражения, с его, поэта, мироощущением, «образом мира»»³.

В серии коллективных монографий «Очерки истории языка русской поэзии XX века» (1990, 1993, 1994, 1995) были предложены пути описания идиостиля поэта. Были установлены основные уровни описания идиостилей: звуковая организация, поэтическая грамматика (морфология и синтаксис),

¹ Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С.256.

² Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М., 1980. С.5.

³ Григорьев В.П. Предисловие // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. М., 1990. С.3.

семантические преобразования (тропы). Первый опыт систематизации этих проблем был сделан В.П.Григорьевым в коллективной монографии «Поэт и слово» (1973).

Один из ведущих исследователей поэтического языка И.И.Ковтунова говорила, что в задачу «грамматики поэзии», наряду с изучением грамматической структуры отдельного стихотворения, наблюдением над грамматикой в языке одного поэта, входит изучение грамматики поэтического языка в целом. «Отбор грамматических средств становится принадлежностью поэтического языка, если эти средства оказываются семантически значимыми и выполняют определенные смысловые функции в индивидуальной поэтической системе. Предпочтение отдельных грамматических категорий и форм может свидетельствовать о фундаментальных свойствах данного поэтического мира».⁴

Эстетической актуализации морфологических средств языка в поэтической речи посвящена монография И.А.Ионовой⁵. В изучении идиостиля сделаны наблюдения над авторским словообразованием⁶.

Категория семантических преобразований является конституирующей для поэтической речи. О семантическом изучении поэтического текста писал Б.А.Ларин в книге «Эстетика слова и язык писателя». Ученый исследовал «комбинаторные приращения» смысла, отметил семантическую осложненность лирики, ее «смысловую многорядность»⁷.

Особое направление при описании идиостиля – стиховедческое исследование: изучение метрической и строфической техники того или иного поэта⁸.

Объектом анализа реферируемой диссертации является поэтический язык в коммуникативном осмыслении.

Предметом исследования выступает грамматический аспект описания

---

⁴ Ковтунова И.И. Принцип неполной определенности и формы его грамматического выражения в поэтическом языке XX века // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста. М., 1993. С.4.

⁵ ИONOBA И.А. Морфология поэтической речи. Кишинев, 1988.

⁶ Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984.

⁷ Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.

⁸ Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984.

идиостиля.

Цель работы заключается в описании идиостиля Ин.Анненского с точки зрения индивидуально-авторского использования системы личных местоимений.

Достижение поставленной цели связано с решением следующих **задач**:

- рассмотреть правила выбора всех личных местоимений в идиостиле поэта; определить функциональную нагрузку личных местоимений в текстах;
- особо исследовать специфику субъектной организации в лирических произведениях Ин.Анненского;
- охарактеризовать все лексико-грамматические способы выражения субъекта речи;
- обозначить структурно-семантические особенности употребления личных местоимений в композиции поэтического текста;
- выделить основные местоименные типы композиции стихотворений;
- описать особенности построения диалога в лирике поэта, исследовать соотношение субъекта и адресата речи в диалогически организованных стихотворениях.

В качестве основного **материала диссертации** используются книги стихов Ин.Анненского «Тихие песни», «Кипарисовый ларец», а также стихотворения, не вошедшие в основные сборники.

Актуальность исследования вытекает из необходимости выяснения грамматических аспектов идиостиля поэта.

Научная новизна исследования состоит в разработке принципов анализа функционирования личных местоимений в связи с композицией стихотворений Ин. Анненского.

Теоретическая значимость результатов диссертации заключается в том, что работа дает опыт описания идиостиля поэта с точки зрения местоименной структуры как аспекта коммуникативной организации лирических текстов. Она может стать основой сопоставительно-типологического описания идиостиля Анненского и других поэтов.

Практическое значение исследования состоит в возможности использования его результатов в вузовских и школьных курсах по «Истории русской литературы конца XIX - начала XX вв.», а также спецкурсах, посвященных поэтическому языку Ин.Анненского. Материалы диссертации могут быть полезны при составлении словарей различных поэтов.

Методологической основой работы стало исследование Г.О.Винокура «Я и Ты в лирике Баратынского», а также работы Ю.И.Левина и И.И.Ковтуновой.

В основе диссертации положена теория поэтического языка, разработанная в исследованиях В.В.Виноградова, Ю.М.Лотмана, М.Л.Гаспарова, Я.И.Гина, С.Т.Золяна, Е.Г.Эткинда, И.А.Ионовой, М.В.Панова, В.П.Григорьева, Н.А.Кожевниковой, О.Г.Ревзиной, Е.В.Красильниковой, Н.А.Николиной, Е.А.Некрасовой, В.Н.Виноградовой, А.Г.Грек, Л.В.Зубовой, М.В.Тростникова, А.В.Беловой, Е.П.Карпенко, О.И.Северской и др.

В диссертации были использованы следующие **методы** лингвистического исследования:

- структурно-семантический анализ личных местоимений;
- метод описания, обобщения и классификации данных.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В основу работы была положена теория Г.О.Винокура. Четыре выделенных ученым коммуникативных типа стихотворений неравномерно представлены в лирике поэта.
2. Исследование личных местоимений в текстах Анненского показало абсолютную частоту «я» в коммуникативной структуре его лирики.
3. Местоимение «я» имеет особый набор употреблений.
4. Для Анненского характерно использование «мы» в обобщенном значении. Есть особый случай употребления «мы» («Двойник», «Ореанда»).
5. Анненский часто использует «ты» в обобщенном значении. В его поэзии «ты» редко встречается в значении адресата – лирической героини.
6. Среди семантических типов обращений редки обращения к лицам.

7. Субъект речи в текстах Анненского может быть выражен путем замены «я» (и шире – первого лица) словами-эквивалентами (сердце, душа, ум, уста, грудь и т. д.).
8. В стихотворениях поэта лирический герой может говорить о себе в третьем лице.
9. Особенность синтагматики местоимения «я» состоит в употреблении в одном стихотворении «я» в разных значениях (обозначающих субъекта речи – с одной стороны, и философское понятие – с другой).
10. В границах одного стихотворения «я» сочетается с предикатами в разных временах.
11. В систему употребления «я» включаются автокоммуникативные вопросы. Встречается особое употребление повелительного наклонения, адресованного самому субъекту речи.
12. К наиболее частотным композиционным типам принадлежат стихотворения с местоимениями «я» и «мы».
13. В лирике поэта немного стихотворений, композиционная структура которых включала бы диалог. Прямая речь часто оформляет призрачный или воображаемый диалог.

Структура диссертации определяется ее целью и основными задачами. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключение, Библиографии, включающей 216 источников.

Апробация результатов диссертации. Диссертация обсуждалась в отделе корпусной лингвистики и лингвистической поэтики ИРЯ им. В.В.Виноградова РАН. Отдельные положения и выводы исследования прошли апробацию на Международных научно-литературных чтениях «Художественный мир Иннокентия Анненского» (Литературный институт им. А.М. Горького. Москва, 2005), на XII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2005), на Международной научной конференции «Русская литература перелома XIX и XX века» (Гданьск, 2006),

на VIII Международной научной конференции молодых филологов (Таллин, 2006).

Основное содержание диссертации

Во **Введении** определяются актуальность темы, степень ее разработанности, предмет исследования и основные задачи работы.

В **I главе «Изучение местоимений и категория лица в поэзии»** описываются разные аспекты изучения местоимений в русском языке. В грамматике отмечается неоднородность этого класса слов, местоимения распределяют по различным частям речи, исходя из их синтаксической функции. В соответствии с главными синтаксическими функциями местоимения подразделяются на местоимения-существительные (*я, мы, ты кто?, что?, кто-то, что-то, все и др.*), местоимения-прилагательные (*какой?, такой, который?, мой, твой*), местоимения-числительные (*несколько, сколько-либо*), местоимения-наречия (*тогда, кое-где, там, везде*) и местоимения-глаголы: так называемые дейктические глаголы – (напр., формы *Что делать?*, формы *станет/стало* в предложениях типа *Так и стало /станет*).

В Русской грамматике (1980) в понимании личных местоимений авторы следуют за В.В.Виноградовым, который выделял особый класс предметно-личных местоимений. На их обособление, по мысли ученого, «указывают прежде всего своеобразие выражения и отражения грамматического рода в их строе. Местоимения личные *я* и *ты*, не имея родовых форм, могут иметь значения любого рода. Однако это значение обусловлено двойственной «предметной отнесенностью» этих местоимений. Они могут непосредственно обозначать лицо (говорящего субъекта или собеседника), и тогда их род определяется полом лица»⁹. В Русской грамматике (1980) система личных местоимений русского языка относится к местоимениям-существительным.

⁹ Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947. С.326.

А.М.Пешковский считал личными местоимения «я», «ты», «мы», «вы», «он», «она», «оно», «они», притяжательные формы и наречные (по-моему, по-твоему и т.д.)¹⁰.

В работе Р.И.Аванесова и В.Н. Сидорова «Очерк грамматики русского литературного языка» (1945) В.Н.Сидоров перестал относить к личным местоимения «он», «она», «оно», «они». (Таковую же точку зрения разделял и М.В.Панов)¹¹. В трактовке В.Н.Сидорова это были указательные местоимения.

О местоимениях 3-го лица писал Н.Н.Дурново: «Проще было бы считать форму 3-го лица отрицательной: это неличная форма вообще, в отличие от личных форм 1-го и 2-го лица...»¹² [см. также Шмелев 2002¹³].

Отдельно от личных рассматривают местоимения 3-го лица В.А.Богородицкий и Е.Бенвенист. В.А.Богородицкий подразделяет личные местоимения на диалогические (1-ое и 2-ое лицо) и местоимения 3-го лица «стороннего разговаривающим»¹⁴. Таким образом, участие в диалоге определяет оппозицию местоимений 1-го и 2-го лица (участники диалога) и 3-его лица (объект (предмет) диалога) [см. также Маловицкий 1989¹⁵]. Е.Бенвенист отмечал, что 1-ое и 2-ое лицо соотнесены с моментом речи, а 3-е лицо не выявляет такой зависимости¹⁶.

В настоящей работе мы придерживаемся такого же понимания системы личных местоимений.

Ю.С.Степанов писал: «Субъект «Я», очевидно, индивидуализирует; собственно, «Я» - это высшая степень индивидуализации, которая может быть достигнута средствами языка»¹⁷.

О.Н.Селиверстова вслед за Ю.С.Степановым доказывает, что «...местоимения образуют знаки особого типа и функция личных местоимений

¹⁰ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938. С.165.

¹¹ Панов М.В. Русский язык // Языки народов СССР. Т.1. Индоевропейские языки. М., 1966.

¹² Дурново Н.Н. Рецензия на книгу: Karcevski Serge. Système du verbe russe // Slavica, Roč. 10, Seš 1. Praha, 1931. С.159.

¹³ Шмелев Д.Н. Избранные работы по русскому языку. М., 2002. С.289-290.

¹⁴ Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. М.,-Л., 1935. С.160.

¹⁵ Маловицкий Л.Я. Личные местоимения современного русского языка в коммуникативном аспекте // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир, 1989. С. 105-111.

¹⁶ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

¹⁷ Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981. С.165.

заключается не только в указании на роль в акте речи, но прежде всего в представлении говорящего или слушателя как индивида, взятого в его единственности»¹⁸. «Характер значения местоимений *я*, *ты* определяет и их референциальные особенности – как правило, они имеют референтное употребление, т.е. относятся к индивиду. Однако они могут – что особенно характерно для местоимения *ты* – иметь и обобщенное употребление: *Что ты тут сделаешь!*»¹⁹.

Единство класса слов, называемых местоимениями, как замечают С.А.Крылов и Е.В.Падучева, обусловлено его принципиальной ролью в осуществлении референции: они либо отсылают к акту речи, либо указывают на тип соотнесенности высказывания с внеязыковой действительностью²⁰. (О референции в поэтическом тексте – см. Шмелев 1991²¹).

Местоимения были также предметом исследования и в работах Есперсена, Якобсона, Падучевой, Крылова, Апресяна, Иорданской, Вольф, Иванова и др.

В I главе описаны различные подходы к изучению местоимений в поэтическом языке.

Специальному изучению местоимений в русской лирике положил начало Г.О.Винокур в незаконченной статье 40-х годов XX в. «*Я* и *Ты* в лирике Баратынского» (опубликована в 1990 в сборнике Г.О.Винокура «Филологические исследования»). Анализируя коммуникативную структуру поэтических текстов, ученый предлагает выделять четыре типа стихотворений:

- произведения, в которых обозначен только субъект речи;
- произведения, в которых обозначен только адресат речи;
- произведения, в которых обозначен как субъект, так и адресат речи;
- произведения, в которых не обозначен ни субъект, ни адресат речи.

Ю.И.Левин в статье «Лирика с коммуникативной точки зрения» (1973) выделяет четыре типа текстов — «эготивный», написанный от первого лица,

¹⁸ Селиверстова О.Н. Местоимение в языке и речи. М., 1988. С.32.

¹⁹ Селиверстова О.Н. Указ. соч.. М., 1988. С.37.

²⁰ Крылов С.А., Падучева Е.В. Местоимение // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С.294-295.

²¹ Шмелев А.Д. Референциальные значения в поэтическом тексте // Поэтика и стилистика. М., 1991.

«апеллятивный», организованный как единое обращение к адресату, смешанный тип и ни тот ни другой. Ученый приводит классификацию значений первого и второго лица в лирике. По его мнению, первое лицо может быть представлено как:

- *«собственное* – когда эксплицитное *я* может быть отождествлено с реальным автором, или *мы* – с «малой группой», включающей реального автора;
- *чужое* – когда *я* не может быть отождествлено с реальным автором;
- *обобщенное* – когда *мы* относится к человеку вообще, или к человечеству, или к той или иной «большой группе».

Второе лицо может быть представлено как:

- *собственное* – могущее быть отождествленным с определенным – единичным или коллективным – реальным адресатом (собеседником, аудиторией);
- *несобственное* – когда имеется конкретный адресат обращения, но он заведомо не может воспринять это обращение;
- *обобщенное* – когда *ты* или *вы* – человек вообще, или человечество, или некоторая категория людей;
- *автокоммуникативное* – когда *ты = я* (обращение к себе)²².

Теорию поэтического языка развивает И.И.Ковтунова в монографии «Поэтический синтаксис» (1986). Своеобразные условия коммуникации в лирике усложняют и преобразуют функции первого, второго и третьего лица. «Переходы в лирическом тексте от третьего лица ко второму и обратно позволяют тонко дифференцировать более далекое и более близкое, менять дистанцию между говорящим и предметом речи. Эти переходы способны создавать смысловую градацию явлений, которая в динамическом развертывании текста предстает как приближение-отдаление, субъективация-

²² Левин Ю.И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю.И. Избранные труды. М., 1998. С.469-470.

объективация, «лиризация»-«эпизация»²³. В монографии исследователь предлагает набор значений обращений.

В статье «Семантика форм лица в языке поэзии» (2003) И.И.Ковтунова отмечает, что любое лицо, предмет или явление, которое обычно описывается в третьем лице, в лирике способно получить возможность говорить о себе в первом лице. Коммуникативные особенности лирического диалога позволяют лирическому герою на «ты» обратиться к любому предмету или явлению. Таким образом, исследователь приходит к выводу, что «каждое из трех лиц может выступать не только в собственном значении, но и в значении двух других лиц»²⁴.

В одном из разделов первой главы диссертации дается обзор существующих исследований по поэтике Ин.Анненского (Ларин, Гинзбург, Федоров и др.). Особое внимание уделяется литературе, посвященной анализу текстов поэта с точки зрения языка (Журинский, Насруллаев, Тростников, Некрасова и др.).

Во II главе «Семантика и функционирование личных местоимений в лирике Ин.Анненского» исследуются структурно-семантические особенности употребления личных местоимений.

«Я», по словам С.Булгакова, «есть та точка, из которой говорящий смотрит и выражает в слове весь мир»²⁵. «Я» пронизывает поэтическую систему Ин.Анненского.

Среди грамматических способов указания на субъекта речи выделяются: местоимения «я», притяжательные местоимения-прилагательные, глагольные формы первого лица единственного числа. Среди косвенных местоименных форм чаще других в лирике Анненского встречается форма дательного падежа «мне».

Лирический герой поэзии Анненского от сборника к сборнику остается неизменным – это человек интеллектуальный и рефлексирующий, склонный к философскому осмыслению мира. Слабость и разочарованность, тема увядания

²³ Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986. С.143.

²⁴ Ковтунова И.И. Семантика форм лица в языке поэзии // Русский язык в научном освещении. 2003. №1 (5). С.33.

²⁵ Булгаков С.Н. Философия имени. М., 1997. С.65.

и погруженность в мир грез – вот мотивы, окрашивающие лирическое «я» Анненского. А.В.Федоров в своей монографии, посвященной поэту, писал: «.....лирический герой Анненского уже немолод, несет бремя и жизненного опыта, и воспоминаний, молодым себя не чувствует»²⁶.

Часто лирический герой Анненского представлен как поэт («Мухи как мысли», «Третий мучительный сонет» и др.).

Особый, только в поэзии встречающийся тип «я», – в стихотворении «Я на дне». Субъектом в этом тексте оказывается обломок статуи («Я на дне, я печальный обломок / Надо мной зеленеет вода»).

Кроме того, были отмечены несколько примеров фольклорных стилизаций.

Местоимение «я» в художественном мире Анненского имеет необычное поэтическое употребление, в этом случае поэт выделяет его в тексте курсивом. Можно выделить два типа такого употребления: *я* как философский концепт (И нет конца и нет начала / Тебе, тоскующее *я*? («Листы»); А где-то там мнутясь / Такие ж *я*, без счета и названья («Гармония»)) и *я*, связанное со смертью, оно выражает изменение человеческой сущности в момент перехода в инобытие (стихотворения «У гроба», «Зимний сон»). Философское *я* в поэтическом универсуме Анненского связано с темой двойничества, рядом с *я* существует не-*я*.

В «Книгах отражений» поэт писал о том, что стоит за *я*:

«....*я* – замученное сознанием своего безысходного одиночества, неизбежного конца и бесцельного существования; *я* в кошмаре возвратов <.....> *я* – среди природы, где, немо и незримо упрекая его, живут такие же *я*, *я* среди природы, мистически ему близкой и кем-то больно и бесцельно сцепленной с его существованием.....*я*, которое хотело бы стать целым миром, раствориться, разлиться в нем»²⁷.

На характер этих местоимений указывает их возможность иметь при себе определения («свободное», «тоскующее», «самое», «такие»). Они выступают в

²⁶ Федоров А.В. Иннокентий Анненский. Л., 1984. С.100.

²⁷ Анненский И.Ф. Книги отражений. М., 1979. С.103.

качестве дополнения в форме именительного падежа («создал ты я»). Выделенное *я* сочетается с формами множественного числа («мятутся.../ Такие ж я...»). Согласование глагола по лицу в настоящем и будущем времени в случае курсивного *я* отсутствует («вольется свободное я» – глагол в форме третьего лица). *Я* утрачивает свои грамматические свойства местоимения первого лица единственного числа и фактически ведет себя как несклоняемое существительное среднего рода.

В академической грамматике выделяют четыре текстовые разновидности местоимения «мы». ««Мы» указывает «на группу лиц, среди которых находится и говорящий; *мы* – это (я и ты), или (я, ты и вы), или (я и они), или (я, ты и они)»²⁸.

В мире Анненского отмечены следующие употребления: «мы» = лирический герой + героиня. В таком значении «мы» использовано в стихотворениях «Два паруса лодки одной» и «Осень».

За местоимением «мы» может стоять обозначение разных групп людей («Кэк-уок на цимбалах», «Л.И.Микулич», «Баллада», «Далеко-далеко» и др.).

В других текстах «мы» заключает в себе предельно обобщенное значение («∞», «Сонет», «Зимний поезд» и др.). (Девиз Таинственной похож / На опрокинутое 8: / Она – отраднейшая ложь / Из всех, что мы в сознании носим («∞»)).

Особая референция «мы» была отмечена в стихотворении «Двойник» и «Ореанда». Здесь значение местоимения складывается из указаний на различные стороны человеческой сущности – 1) «мы» = «я» + «я» («не-я»), 2) «мы» = «я» + душа (Не я, и не он, и не ты, / И тоже, что я, и не то же: / Так были мы где-то похожи, / Что наши смешались черты («Двойник»));

Напрасно я души, души своей искал...

Я с нею встретился в картинном запусьеньи

Сгоревшего дворца...

²⁸ Русская грамматика. М., 1980. Том I. С.534.

<....>

Я будто чувствовал, что там ее найду,
 С косматым лебедем играющей в пруду,
 И что поделимся мы ветхою скамьею
 Близ корня дерева, что поднялся змеєю.... («Ореанда»).

В фольклорной стилизации («Гармонные вздохи») употребленное поэтом местоимение «мы» по значению совпадает с «я».

В текстах, где эксплицитно выражен лишь **адресат речи** («ты», «вы»), лирическая героиня выступает собеседницей поэта лишь в стихотворении «Когда, влача с тобой банальный разговор...».

В стихотворениях «ты» часто имеет обобщенный характер со значением «я и каждый» («Тоска», «Трактир жизни», «Зимний романс» и др.). (Но, лихорадку томимый, / Когда неделями лежишь, / В однообразьи их таимый / Поймешь ты сладостный гашиш («Тоска»)).

Ты-несобственное (термин Ю.И.Левина) сопровождает введение в структуру фразы обращения. В работе проанализированы семантические типы обращений.

В лирике Анненского встречается обращение к Богу.

Редки обращения к лирической героине.

Среди обращений не к лицам в лирике Анненского выделяются несколько семантических типов:

- обращения к абстрактным понятиям;
- обращения к периодам времени, этапам жизни человека;
- обращения к временам года и временам суток;
- обращения к явлениям природы и стихиям;
- обращения к небесным светилам;
- обращения к растительному и животному миру;
- обращения к предметам быта.

В стихотворениях, коммуникативная структура которых включает **субъекта и адресата**, лирическая героиня появляется лишь в «Кипарисовом ларце» и в

корпусе текстов, не включенных в сборники («Последние сирени», «Осенняя эмаль», «Романс без музыки», «В вагоне», «Спутнице», «Небо звездами в тумане..», «Осенний романс», «Canzone», «Рабочая корзинка» и «Струя резеды в темном вагоне»).

В «Тихих песнях» образ лирической героини появляется только в одном тексте — в стихотворении «Молот и искры»:

..... Я не знаю: тебя
Я люблю или нет... Не горит ореол
 И горит — это ты и не ты....

Но и здесь интонация неопределенности, пунктуационно подчеркнутая многоточиями, неуверенность лирического героя («я не знаю <...> это ты и не ты») дают возможность увидеть в «ты» не конкретное лицо, а скорее мечту, грезу, «двойное бытие».

«Вы» может использоваться по отношению к лирической героине. Например, стихотворение «Он и я» строится на отношениях «он – вы (возлюбленная)», потом появляется противопоставленное им местоимение «я».

Особо рассматривается в главе группа текстов, где **нет эксплицитно выраженных субъекта и адресата речи** («Там», «Поэзия», «На полотне», «Параллели» (1-2), «Маки», «Вербная неделя» и др.). Тематически эти тексты можно разделить на пейзажные, философские и сюжетные.

Субъект речи в текстах Анненского часто выражается словами-эквивалентами (сердце, душа, ум, уста, грудь и др.). В этом случае выделенные части человеческой природы становятся как бы поэтическими заместителями человека в целом.

Традиционный образ *души* как обозначение лирического «я» использован поэтом лишь в нескольких стихотворениях («Еще лилии», «Прелюдия», «Ореанда», «Квадратные окошки», «Дремотность», «Опять в дороге»). Широко Анненский использует метонимическое обозначение человека - *сердце*: (Но ты-то зачем так глубоко / Двоишься, о сердце мое? («Госка миража»); А сердце ...бубенчиком бьется / Так тихо у потной шлеи... («Далеко...далеко..»)).

Есть тексты с конкретной, неопределенной и обобщенной референцией *сердца*.

В III главе «Композиция лирических произведений Ин.Анненского» рассмотрена роль личных местоимений в композиции лирики поэта.

В первом разделе главы дается краткий обзор ведущих исследований по теории композиции поэтического текста. Основы исследования заложены в работах В.М.Жирмунского. В статье «Композиция лирических стихотворений» ученый писал: «первоначальными факторами композиции в стихотворении мы считаем ритм и синтаксис. <...> В языке, подчиненном художественному заданию, в произведении словесного искусства, композиция становится законом расположения словесного материала, как художественно расчлененного и организованного по эстетическим принципам целого»²⁹.

В композиции можно выделить три аспекта. «Представим себе стихотворение простейшей композиции. В своем построении оно распадается на ряд строф (композиция метрическая). Каждая строфа включает обособленное предложение, заканчивается точкой (композиция синтаксическая). Каждая строфа, вместе с тем, замкнута по теме, представляет стансу (композиция тематическая)»³⁰. При изучении стихотворной композиции принципиальная роль, по мысли ученого, принадлежит анализу повторов.

С.Т.Золян определяет композицию как «механизм, оформляющий (и в определенной мере преобразующий) языковой материал в поэтический текст. Однако, не следует считать композиционную упорядоченность поэтического текста чем-то внешним по отношению к языковому материалу. Сам факт существования развитых форм метрико-композиционной упорядоченности должен получить объяснение, исходя из функции метрико-композиционных факторов в процессе передачи поэтического смысла. Специфика поэтического

²⁹ Жирмунский В. Композиция лирических стихотворений. «ОПОЯЗ», Петербург, 1921. С.3,5.

³⁰ Жирмунский В. Указ. соч.. Петербург, 1921. С.19

текста лишь закрепляется системой формальных средств, но не объясняется ею»³¹.

Специфику поэтического текста ученый видит в семантике. «В поэтической речи происходит тотальное изменение языковых принципов семантического структурирования, приводящее к «семантическому осложнению» – одновременной актуализации нескольких смысловых структур, взаимодействующих друг с другом. Каждая смысловая единица – будь то слово, словосочетание, предложение или текст в целом – существуют как бы в нескольких пересекающихся плоскостях, но при этом (что и обеспечивает возможность осмысления поэзии) все семантические конфигурации взаимосвязаны и взаимовыводимы»³².

О композиции художественного текста писали В.В.Виноградов, Б.А.Успенский, Ю.М.Лотман, Г.А.Золотова, Л.А.Новиков, Н.А.Николина, Н.К.Онипенко и др..

Говоря о синтагматическом аспекте местоимения «я», можно отметить, что «я» сочетается в лирике поэта с предикатами качественно-характеризующего значения, модальными глаголами («мочь», «уметь», «сметь»), перцептивными глаголами («слышать», «видеть»), глаголами волеизъявления («хотеть») и ментальными глаголами («думать», «знать»). Особо частотны сочетания «я» с различными формами глагола «любить».

К особенностям местоименной композиции лирики Анненского можно отнести:

1. Употребление в одном тексте местоимения «я», обозначающего лирического героя, и «я», выделенного курсивом, за которым стоит философское понятие, мировоззренческий концепт. В стихотворении «У гроба» употреблены выделенные и невыделенные курсивом формы «я»: (В недоумении открыл я мертвеца.../ Сказать, что это я...весь этот ужас тела...).

2. В нескольких стихотворениях композиция строится на сменах

³¹ Золян С.Т. О принципах композиционной организации поэтического текста // Проблемы структурной лингвистики. 1983. М., 1986. С.60-61.

³² Золян С.Т. Указ. соч.. М., 1986. С.61.

грамматического времени. Сюжет их часто связан с темой воспоминаний («Далеко-далеко», «Сестре», «Буддийская месса в Париже», «Развившись, волос поредел...»). Повторы «я» в этом случае определяются различной временной локализацией лирического героя. Рамочные слова («я вижу», «я помню» и др.) обычно стоят в настоящем или в будущем времени.

Стихотворение «Сестре» начинается рядом номинативных предложений, которые представляют прошлое:

Вечер. Зеленая детская
С низким ее потолком.
Скучная книга немецкая.
Няня в очках и с чулком.

Во второй строфе появляется «я» лирического героя:

Желтый, в дешевом издании,
Будто я вижу роман...
Даже прочел бы название,
Если б не этот туман.

Основная часть текста содержит воспоминания, в них глаголы употребляются в прошедшем времени. Этот фрагмент текста построен на соотношении форм местоимений «я»-«вы», «ваши»:

Вы еще были Алиною,
С розовой думой в очах,
<....>
В стул утопая коленами,
Взора я с вас не сводил,
Нежные, с тонкими венами,
Руки я ваши любил.

В конце стихотворения последний фрагмент прошлого соотносим с первой строфой – поэт использует предикат в настоящем времени:

В медном подсвечнике сальная
Свечка у няни плывет...

В конце финальной строфы текст возвращается к плану грамматического настоящего. Как итог звучит фраза с неактуальным настоящим:

Милое, тихо-печальное,
Все это в сердце живет...

Нередко поэт начинает стихотворение описанием природы, пейзажной зарисовкой. Такие фрагменты текста часто лишены личных местоимений. Время в таком случае актуально, субъект речи воспроизводит непосредственно, чувственно наблюдаемое, в хронотопе происходящего «я — здесь — сейчас». «Изображение событий в процессе их восприятия (черта, повышающая степень предикативности поэтического текста) является одной из существеннейших примет поэтики XX века»³³. От окружающего мира взгляд поэта переходит во внутренний мир лирического героя.

Например, начало стихотворения «Падает снег...»:

Падает снег,
Мутный и белый и долгий,
Падает снег,
Заметая дороги,
Засыпая могилы,
Падает снег...

Затем текст описывает впечатления, вызванные снегопадом:

Белые влажные звезды!
Я так люблю вас,
Тихие гости оврагов!
Холод и нега забвенья
Сердцу так сладки...

3. Система употребления «я» в лирике Анненского расширяется. В нее включаются риторические (автокоммуникативные) вопросы («Просвет», «В небе ли меркнет звезда...», «Сон и нет» и др). Такие вопросы нередко занимают финальную позицию:

³³ Ковтунова И.И. Некоторые направления эволюции поэтического языка в XX веке // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. М., 1990. С.21.

Отчего ж я фату навсегда,
Светлый нимб навсегда полюбил? («Светлый нимб»).

Стихотворение может быть целиком построено на автокоммуникативных вопросах («Для чего, когда сны изменили...»).

4. Особый тип представляют тексты, включающие «я» и формы повелительного наклонения, адресованные самому субъекту речи («Мой стих», «Пробуждение», «Я думал, что сердце из камня...», «Бронзовый поэт», «Палимая огнем недвижимого светила...», «Мухи как мысли», «На воде»).

Стихотворение «Сверкание» открывается глагольными формами второго лица и двумя императивами, обращенными лирическим героем к самому себе:

Если любишь – гори!
Забываешь – забуди!

Далее раскрывается внутренний мир героя, в тексте используется притяжательное местоимение первого лица и местоимение «я»:

Замечает снегами мой путь.
Буду день до зари
Меж волнистых полян
От сверканий сегодня я пьян.

Таким образом, местоименная композиция оказывается построенной на «я» и при использовании автокоммуникативных вопросов и автоимперативов.

5. Один из наиболее частотных композиционных типов лирики Ин.Анненского включает местоимения «я» и «мы».

Местоименная композиция может строиться на «я», «ты» и «мы». В стихотворении «Небо звездами в тумане не расцветится...» в первой строфе использована форма «нас»:

Только томные по окнам елки светятся,
Да, кружась, замечает нас снежок.

Форма «нас» здесь задает сюжетный остов текста. «Нас» объединяет лирического героя и героиню. Во второй строфе использованы притяжательные местоимения «мои»- «твои» и личное «тебе».

Мех ресниц твоих снежинки закидавшие

Не дают тебе в глаза мои смотреть...

В третьей финальной строфе – «я» и «ты»:

И мучительно снежинкам я завидую,

Потому что ими плачешь ты...

«Сцепление человека с природой и, шире, с окружающим миром – это исходная мысль всей поэтической системы Анненского, определяющая ее психологический символизм и ее предметную конкретность, определяющая в этой системе самое строение поэтического образа»³⁴ (курсив – Гинзбург).

«Он (поэт) сближает предметы не по наблюдениям во внешнем мире, а по впечатлениям, возникающим в душе творящего»³⁵.

Так происходит в стихотворении «Ель моя, елинка». Уже в заглавии ель названа «моей». Мир внешний и мир внутренний слиты в этом стихотворении:

На твою унылость

Глядя, мне взгрустнулось...

Единство лирического героя и ели будет обозначено местоимениями «нам с тобой»:

Бедная...Подруга!

Пусть им солнце с юга,

Молодым побегам...

Нам с тобой, елинка,

Забытье под снегом.

Лучше забытья мы

Не найдем удела...

В стихотворении «То было на Валлен-Коски» местоимение «мы» используется в двух разных значениях. В начале появляется «мы», которое указывает на группу людей, тех, кто приехал в Финляндию на водопад:

Мы с ночи холодной зевали,

³⁴ Гинзбург Л.Я. О лирике. Л., 1974. С.315.

³⁵ Бахтин М.М. Анненский. Записи лекций М.М.Бахтина по истории русской литературы // Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. Т.2, М., 2000. С.339.

И слезы просились из глаз;
 В утеху нам куклу бросали
 В то утро в четвертый раз.

Ниже в тексте появляется точка зрения говорящего:

И вот уж кукла на камне,
 И дальше идет река...
 Комедия эта была мне
 В то серое утро тяжка.

Заканчивается же стихотворение выводом, где используется обобщенное «мы»:

Как листья тогда мы чутки:
Нам камень седой, ожив,
 Стал другом, а голос друга,
 Как детская скрипка, фальшив.

В стихотворении «Закатный звон в поле» «я» употребляется вместе с «мы»-обобщенным.

Это примеры, когда «...личное прячется под выработанные в языке обобщительные формы»³⁶.

В ряде стихотворений Анненского «мы»-обобщенное сочетается с «ты»-или «вы»-обобщенным («Май», «Свечку внесли», «Петербург»).

Стихотворение «Петербург» начинается с «я» и противопоставленных ему курсивных *мы* и *вы* - обобщенных:

Я не знаю, где вы и где мы,
 Только знаю, что крепко мы слиты.

За противопоставленными курсивными *мы* и *вы* стоят живые и умершие жители города. Далее невыделенное «мы» снимает это разделение. Единая для живых и мертвых история Петербурга, по мысли поэта, объединяет всех «нас»:

Сочинил ли нас царский указ?
 Потопить ли нас шведы забыли?

³⁶ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938. С.376.

Вместо сказки в прошедшем у нас

Только камни да страшные были.

6. В работе выделены особые случаи использования местоимений третьего лица в композиции стихотворений.

И.И.Ковтунова отмечала как одну из особенностей поэтического языка асимметрию в употреблении форм лица, сдвиг между означающим и означаемым. «Речь о себе в третьем лице — относительно редкое явление, присущее лишь некоторым поэтам. Это происходит при отчуждении своего я, его отстранении, самообъективации. Речь о себе в третьем лице — один из способов удаления я с центральной позиции»³⁷. Ковтунова выделяет два типа подобного отчуждения я: без введения точки зрения другого лица или в сочетании с чьей-то точкой зрения (обычно лирической героини).

«...иной раз в лирике функционирует и местоимение 3-его лица в качестве обозначения носителя лирического переживания. Однако пусть в 3-м лице, но этот лирический он (или лирическая она) <...> предстают перед нами, как «лирическое я», но только в 3-м лице»³⁸.

В поэтическом мире Анненского лирический герой может говорить о себе в третьем лице. Субъект речи может переходить от первого лица (местоимение «я») к третьему.

В стихотворении «Последние сирени» текст композиционно (поэт использует строчное многоточие) распадается на две части. Сюжетно обе части объединены лирическим героем и героиней. В тексте лирический герой обозначен местоимением «я». В финальной строфе он называет себя «поэт», в стихотворении появляется притяжательное местоимение третьего лица - «его»:

Но малодушием не заслоняй порыв,

И в этот странный час сольешься ты с поэтом;

Глубины жаркие словам его открыв,

Ты миру явишь их пророческим рассветом.

³⁷ Ковтунова И.И. Семантика форм лица в языке поэзии // Русский язык в научном освещении. 2003. №1 (5). С.24.

³⁸ Сильман Т.И. Заметки о лирике. Л., 1977. С.84.

(См. также стихотворение «Дождик»).

7. К особенностям использования третьего лица в композиции лирики поэта можно отнести и явление антиципации. Об этой особенности стиля Анненского писал М.М.Бахтин: «Синтаксис характерен нарочитой неправильностью в расположении слов: постановкой местоимения перед существительным»³⁹.

Будильник.
Обручена рассвету
Печаль ее рулад...
Как я игрушку эту
Не слушать был бы рад...

Местоимение «ее» прочитывается через появляющееся в следующей строчке слово «игрушка», которое в контексте стихотворения является обозначением будильника, вынесенного в заглавие.

Отсылку местоимений к заглавию можно отметить в стихотворениях «К моему портрету», «К портрету Блока», «К портрету Достоевского». Напр.,

К моему портрету.
Игра природы в нем видна,
Язык трибуна с сердцем лани...

Ср. также «После концерта», «Трое», «На пороге», «Из окна».

8. В поэзии Анненского очень немного стихотворений, композиционная структура которых бы включала диалог. Лотман характеризовал Анненского как «...такого принципиально монологического, сознательно замыкающегося в пределах тщательно создаваемого поэтического мира поэта...»⁴⁰.

Целиком на диалоге построены стихотворения «Милая» и «Сила Господня с нами...». Когда прямая речь включает в себя реплики обоих участников диалога, в тексте оказываются два «я» и «ты», которые попеременно обозначают субъекта и адресата речи.

³⁹ Бахтин М.М. Указ. соч.. М., 2000. С.340.

⁴⁰ Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л., 1972. С.110.

В нескольких стихотворениях прямая речь оформляет призрачный или воображаемый диалог («Старые эстонки», «Квадратные окошки»). В «Квадратных окошках» показательно название «трилистника», в который Анненский включил это стихотворение — «Трилистник призрачный».

Особый тип представляет стихотворение «Смычок и струны». В этом тексте первая строфа и две строчки второй строфы воспринимаются как внутренняя речь смычка.

Какой тяжелый, темный бред!
 Как эти выси мутно-лунны!
 Касаться скрипки столько лет
 И не узнать при свете струны!

Кому ж нас надо? Кто зажег
 Два желтых лика, два унылых...

Речь смычка, заключенная в кавычки, воспринимается как переход от внутренней речи смычка к смыслу исполняемой смычком и струнами музыке.

«О, как давно! Сквозь эту тьму
 Скажи одно: ты та ли, та ли?»
 И струны ластились к нему,
 Звеня, но, ластясь, трепетали.

«Не правда ль, больше никогда
 Мы не расстанемся? довольно?...»
 И скрипка отвечала *да*,
 Но сердцу скрипки было больно.

Кавычки выделяют реплики смычка, реакция струн выражена в комментарии, а во второй строфе — словесно: «скрипка отвечала *да*». Текст завершается речью автора.

Исследователями не раз отмечался полифонизм некоторых лирических произведений Анненского, в его текстах слышны «чужие» голоса. В этом стихотворении в комбинацию ассоциативно сцепленных между собой реплик основных персонажей вплетаются еще голоса «дистанцированных» субъектов. Например, слышны голоса улицы, они выделены курсивом:

...Морошка, ягода морошка!..

...Хороши гребэнки!

...Ландышов, свежих ландышов!

Распределение кавычек и курсива в этом тексте строго организовано. Курсив выделяет голоса торговцев.

Часто кавычками выделяется только реплика героя («С балкона», «Баллада», «Перед панихидой», «В вагоне», «Трое»). Прямая речь может занимать семантически наиболее выделенное место в стихотворении — финал:

Подошел Спаситель к спящей

И сказал ей тихо: «Встань» («Дочь Иаира»).

В Заключении подводятся итоги исследования и делаются выводы в целом.

«Я» занимает центральное место в коммуникативной структуре и оказывается композиционным стержнем многих стихотворений. Часто в композиции наряду с «я» употребляется «мы». Местоимение «ты» в обобщенном значении, автокоммуникативные вопросы и автоимперативы включают в своей семантике указание на «я». Субъект речи в поэтической системе Ин.Анненского выражен различными грамматическими и лексическими (сердце, душа и т.д.) средствами.

Проведенное исследование касалось лишь одного грамматического аспекта в описании идиостиля Ин.Анненского. Работу, посвященную роли личных местоимений (и шире категории лица) в композиции стихотворений, необходимо продолжить на материале разных поэтов. Этой теме в современной лингвистике посвящен ряд исследований (о Тютчеве в связи с поэтикой личных местоимений писал Ю.М.Лотман, об Андрее Белом – Н.А.Кожевникова, о Цветаевой – О.Г.Ревзина, о Заболоцком – Е.В.Красильникова, о Хлебникове –

Н.Н.Перцова).

Необходимо дать анализ роли других грамматических категорий в организации композиции (категорию рода в поэтическом языке исследовал Я.И.Гин, Н.А.Николина предложила выделять несколько типов композиции на основе использования в стихотворении видо-временных глагольных форм).

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Местоимения, выделенные курсивом, в лирике Ин.Анненского // Русская речь, 2005, №4. С.15-21.
2. Функционирование местоимений «я» и «мы» в лирике И.Анненского // Сборник тезисов XII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М., 2005. С.469-471.
3. Обращение в лирике Ин.Анненского // Русская речь, 2006, №5. С. 34-40;
4. Прямая речь в стихотворениях И.Анненского // Studia Slavica VII. Таллинн, 2007. С.364-376.
5. Непрямые способы выражения субъекта речи в лирике Ин.Анненского // Материалы международных научно-литературных чтений «Художественный мир Иннокентия Анненского» (Литературный институт им. А.М.Горького. Москва, 2005) – в печати.
6. Лирическое «я» в поэзии И.Анненского и К.Бальмонта // Материалы международной научной конференции «Русская литература перелома XIX и XX века» (Гданьск, 2006) – в печати.